

Дело о лицензиях: «распродаем Россию» или спасаем город?

ТОЛЬКО ФАКТЫ

В начале декабря, по данным мэрии, не было заключено ни одного договора и не получено ни одного фондового извещения по межрегиональным поставкам продовольствия. Осенью прошлого года угроза голодной зимы была не политическим трюком, а экономической реальностью.

В начале декабря Комитет мэрии по внешним связям обратил в правительство России с письмом. В нем указывалось, что город и область обладают ресурсами в виде сырья и материалов, которые можно продать на внешнем рынке и по бартеру закупить на 122 миллиона долларов продовольствие — на два месяца. 5 декабря на письмо появились две визы — вице-преьера Егора Гайдара («Согласиться») и министра внешнеэкономических связей Петра Авена («Разрешить выдачу квот и лицензий по указанной номенклатуре и в указанных количествах»). Таким образом, сверх положенного, город получал право реализовать:

- 150 тысяч тонн нефтепродуктов
- 14 тонн редкоземельных металлов
- 30 тысяч тонн лома черных металлов
- 1 тысячу тонн алюминия
- 1 тысячу тонн меди
- 20 тысяч тонн цемента
- 1 тысячу тонн аммиака
- 750 тысяч кубов леса и лесоматериалов

9 декабря вице-премьер Гайдар подписал содержание правительства (№ ЕГ — 0093) аналогичного содержания. Операции по договорам, заключенным мэрией с предприятиями — участниками товарообменных операций, были освобождены от таможенных пошлин.

15 января таможня Санкт-Петербурга задержала судно «Космонавт Владимир Комаров» и отказала в оформлении Деклараций по лицензиям, выданной Комитетом по внешним связям.

23 февраля состоялась первая (!) отгрузка товаров. Через короткий промежуток времени вторая — и последняя.

24 марта Марина Салье и Юрий Гладков обвинили руководство КВС мэрии в срыве поставок продовольствия в город.

Положительное решение в правительстве не всегда означает, что проблем нет. На пути стремления обеспечить город продовольствием встал вечный вопрос не только революции, но и всей нашей жизни — вопрос о власти.

Итак, Комитет по внешним связям получил квоты и выдал на них лицензии. Но первая же отгрузка товара на них была пресечена.

Отказ в оформлении деклараций, как сообщили в Комитете по внешним связям, таможня мотивировала тем, что не все ресурсы — городские. Однако ни в одном из документов принадлежность ресурсов не оговаривалась. А между тем письмо Путина прошло и через МВЭС, и через внешнеэкономический отдел аппарата Президента РСФСР и иерархии не вызвало.

Но была еще одна, более серьезная причина, по которой артачились таможня. По словам сотрудников КВС, начальник таможни Владимир Степанов отказывался выпустить груз без одной очень важной для него подписи — уполномоченного МВЭС по Северо-Западному региону Анатолия Пахомова.

А теперь попытаюсь прояснить расстановку сил. Уполномоченный МВЭС Анатолий Пахомов по закону — единственный человек, имеющий право выдавать лицензии по экспортным квотам, выделенным для нашего региона. Это «статус-кво» закреплено постановлением Совмина РСФСР «О квотировании и лицензировании экспорта и импорта товаров на территории РСФСР» от 27 августа 1991 г. и аналогичным постановлением № 90, вышедшим уже в этом году. Однако в своем письме в МВЭС России Владимир Путин про-

Чиновник, лишенный власти, опасен вдвойне

сил предоставить права на распоряжение квотами и выдачу лицензий Комитету по внешним связям мэрии. Разумеется, речь шла только о конкретной ситуации, требовавшей, по мнению Путина, оперативного контроля мэрии. Резолюция Гайдара означала согласие со всеми пунктами письма — иначе была бы сделана оговорка. И в последующем поручении вице-премьер предоставил Комитету по внешним связям испрашиваемое им право.

Но, по мнению Анатолия Пахомова, резолюции вице-преьера недостаточно. По его словам, для того чтобы изменить порядок выдачи лицензий, необходимо только решение правительства. По словам Пахомова, он расценил разрешения Гайдара и Авена как принципиальное согласие выделить квоты, но дальше ресурсы нужно найти и подтвердить, обратившись в Министерство экономики РСФСР, где по закону это необходимо было сделать. А если там подтвердят — пусть мэрия их распределяет между предприятиями, а лицензии, как и положено, выдаст уполномоченный МВЭС.

Таким образом, уже сейчас можно констатировать своей подписью выданные мэрией лицензии, таможня не собиралась выпускать без его подписи грузы. По словам сотрудников Комитета по внешним связям, было устное обещание начальника Северо-Западного управления таможенного контроля РСФСР Владимира Бобкова принять меры. Однако

отгрузка состоялась лишь 23 февраля, и то лишь потому, что судно было зафрахтовано за валюту.

Пока разгорался конфликт, мэрия вынуждена была прекратить заключение договоров с предприятиями, дабы не компрометировать себя — ведь никаких гарантий она предоставить не могла. Правда, удалось добиться продления срока освобождения сделок от экспортного тарифа. Однако бартер уже был невыгоден — предприятия «горели» на рублевой части прибыли из-за стремительного роста цен. Ни одно крупное предприятие — производитель сырья не взяло лицензию, они были отданы посредникам.

Следующая отгрузка опять сопровождалась скандалами и провокациями. По словам одного из сотрудников Комитета мэрии, когда министр внешнеэкономических связей РСФСР Петр Авен узнал об этом, то передал Анатолию Пахомову требование оформить лицензий в 24 часа. Это было месяц назад. Оформление идет до сих пор. Отгрузок больше нет.

Таким образом уже сейчас можно констатировать, что намерение мэрии обеспечить город на два месяца продовольствием провалилось. Хотя на все ресурсы КВС выдал лицензию и заключил договоры, только малая часть их подтверждена аппаратом уполномоченного МВЭС. Из продовольственных поставок пришли — авансом — 128 тонн растительного масла.

В Комитете по внешним связям вину за срыв операции возлагают на таможню и уполномоченного МВЭС. И в ту, и в другую инстанцию были разосланы документы, подтверждающие согласие руководителей правительства с просьбой города. А поведение, в частности, аппарата уполномоченного МВЭС объясняют во многом элементарным невежеством выпускать из рук реальную власть. В принципе вопрос о необходимости самой структуры в ближайшее время может быть поставлен довольно серьезно. Намечившийся сейчас переход от отраслевых принципов управления к региональным — совершенно оправданный и необходимый — явно будет тормозиться существованием разветвленной сети московских министерских эмиссаров. Необходимость государственного регулирования экспортной политики пока под сомнением не ставится, но тем не менее ясно, что интересы региона все-таки призвана блюсти городская администрация.

Ольга МЕНАХИНА

P. S. В четверг на пресс-конференции Анатолий Собчак заявил, что им подписан совместный с министром внешнеэкономических связей России Петром Авеном протокол о выведении уполномоченного МВЭС по Петербургу из состава прежней структуры, передачу его в распоряжение Комитета внешних связей мэрии.

А ЧТО ОБ ЭТОМ ДУМАЕТ МЭР?

Анатолий Собчак заявил, что обвинения в адрес Владимира Путина и Комитета по внешним связям не имеют под собой никаких оснований. Они основаны либо на нежелании ознакомиться с реальными фактами, либо на неспособности разобраться и понять. Заявления депутатов абсолютно некомпетентны и не соответствуют истине. Мэр сообщил, что не намерен принимать меры по отношению к Путину — наоборот, его работа полностью устраивает Собчака.

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Ситуацию с ценами на редкоземельные металлы мы попросили прокомментировать Сер-

гея Нигматуллина, специалиста по ценам, долгое время работавшего в ВО «Ленинградметалкс». Как известно, эксперты М. Е. Салье и Ю. П. Гладкова ссылаются на котировки Лондонской биржи металлов. По словам Нигматуллина, каждая котировка там составляется как средневзвешенная по дневным продажам. А в один день может совершаться до полутора тысяч сделок, и при абсолютно одинаковом сорте и марке металла цена может колебаться, скажем, от 200 до 2000 долларов. Зависит это от условий контракта, сроков поставки и т. д. Разброс цен, по словам Нигматуллина, может составлять 50—70%.

Кроме того, рынок редкоземельных металлов, как и рынок золота, уникален — там предложение всегда будет опережать спрос.

Путин бес попутал?

К КОНЦУ прошлого года мэрия не имела ни одного договора и фондового извещения по межрегиональным поставкам в Петербург продовольственных товаров первой необходимости. Фактически прерваны закончились многочисленные совещания в Смольном с участием представителей республик по обеспечению города продовольствием. В результате, единственно возможным источником продовольствия

нам в город пришли две цистерны с растительным маслом, закупленным в пределах СНГ. Десяти тысяч тонн продовольствия, которым мэрия обещала завалить прилавки магазинов города, остались лишь на бумаге.

По мнению Марины Салье и Юрия Гладкова, проводивших депутатское расследование истории с лицензиями, персональную ответственность за сложившуюся ситуацию несут

ДЕПУТАТЫ И МЭРИЯ МОГУТ И ДОЛЖНЫ РАБОТАТЬ ВМЕСТЕ

— СЧИТАЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА МЭРИИ ПО ВНЕШНИМ СВЯЗЯМ, ЗАМЕСТИТЕЛЬ МЭРА ВЛАДИМИР ПУТИН

«МОСКВА НЕ ХОЧЕТ ВЫПУСКАТЬ МОНОПОЛИЮ ИЗ СВОИХ РУК»

— Комитет по внешним связям обвиняют в затягивании сроков поставок продовольствия, в их фактическом срыве.

— Решение многих вопросов зависело не от нас. Таможенный комитет России грузы по нашим лицензиям не выпускал. Фактически из договоров еще ничего не реализовано. Сейчас от нас требуют подтверждения лицензий в аппарате Уполномоченного МВЭС. Он в свою очередь попросил все договоры, документы, и опять решение вопроса откладывается.

— Таможенный комитет, насколько я знаю, ссылается на письмо вице-преьера Гайдара, в котором говорится, что правительство не предоставляло права выдавать лицензии, либо другим организациям, кроме Уполномоченного МВЭС?

— Совершенно верно. Но ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что документ, дающий право выдавать лицензии, у Комитета по внешним связям существует. На нам стоит

— Это чистая казуистика. Пока вопрос решался, руководитель Управления тарифного регулирования подготовил упомянутый вами документ, подписал его и использовал для того, чтобы фактически приостановить нашу работу.

— Вас упрекают еще и в том, что выделенные квоты не были подтверждены, как это полагается делать в Министерстве экономики России?

— Да, действительно, обычный порядок таков, и в принципе он правильный, определенная монополия здесь должна быть. Но дело в том, что когда Гайдар подписывал поручение правительства, дающее право лицензирования и выделяющее Петербургу дополнительные квоты, он являлся министром экономики России.

— Если министр подписал, никаких дополнительных решений министерства по этому вопросу нам не нужно. Кстати, по этому поводу я специально консультировался в правительстве.

«СОВЕТ ИМЕЛ ПОЛНУЮ ИНФОРМАЦИЮ ОБО ВСЕМ»

конкретно характеризовали ситуацию. После этого ряд депутатов потребовал от нас, и контракты, которые заключают сами коммерческие организации со своими партнерами. Но это вопрос уже не к нам. Комитету они не обязаны представлять эти контракты.

— оги, по нашему требованию, предоставляли нам цены, по которым закупают или продают товары. Это было необходимо нам для выяснения экономической целесообразности той или иной сделки.

— В договоре комитета с фирмой предоставление этих договоров не оговаривалось?

— Это нигде не оговаривается, так как не соответствует мировой практике. Если мы начнем этого требовать, фирмы просто могут повернуться и уйти. Эта работа была ослеплена и тем, что у нас постоянно менялись цены. Большинство организаций, с которыми мы предварительно заключили договоры, буквально через неделю исчезли, потому что ситуация изменилась: цены на все товары выросли в десять раз, а по некоторым

— Не было, а зачем их привлекать, если есть свои специалисты? Но как я уже отметил, по вопросам цен мы консультировались со специалистами, в том числе и теми, от кого мы получаем эту информацию регулярно.

— Чем объясняется разница в условиях использования валютной выручки в разных договорах — кто-то обязан поставить продовольствие на 50 процентов выручки, кто-то на 65 процентов, кто-то на 75 процентов?

— Это зависит от цены товара, реализуемого на внешнем рынке. Можно продавать такую разновидность леса, как березовый баланс, который стоит копейки, но что можно за эти копейки за границей купить? Видимо, небольшой объем продовольствия.

— Если коммерческая организация все-таки ввозит этот небольшой объем, то она не может работать себе в убыток, иначе это будет ее последняя операция. Организациям, продающим труднореализуемый товар, наше управление повышает процент валюты, который она может истратить по

но, чтобы в документе говорилось, что мы обязаны работать исключительно с организациями Петербурга. Цитирую наше письмо: «Предприятия и организации Санкт-Петербурга и области в настоящее время располагают реальными ресурсами в сырье и материалах, которые можно было бы реализовать на экспорт для закупки продовольствия». Здесь ведь не написано, что это выделенные по фондам ресурсы, и что мы будем работать только с петербургскими фирмами.

— Самые серьезные претензии депутатской группы были связаны с ценами на редкоземельные металлы. По их мнению, цены в контрактах были занижены в 20, а то и в 2000 раз. Это соответствует действительности?

— Мы с вами сейчас этот вопрос не решим: выводы должны делать специалисты. Цены на металлы, в том числе и редкоземельные, на мировом рынке колеблются, а уж на внутреннем рынке они прыгают так, что просто не уследишь. Но я наводил у нас на этот счет справки, как

— Владимир Владимирович, условия конкурса на выдачу лицензий определены, ваш комитет?

— На тот момент, когда мы получили это право, не было ни указов, ни постановлений правительства, ни условий проведения этого конкурса. И мы делали это в обычном порядке. Сначала, когда мы объявили об этом в средствах массовой информации, предложений было очень много. Но когда мы выставили условия, что львиная доля продуктов должна быть продана через государственную торговую сеть, претенденты сразу исчезли. Не с кем стало работать. Например, одна организация, претендовавшая на лицензию на редкоземельные металлы, оказалась неплатежеспособной. Она запрашивала кредит, банк отказался его давать без нашей гарантии, а ГФУ таких гарантий не дало.

— Вы проверяли платежеспособность всех фирм?

— Конечно, мы запрашивали все документы.

ВРЕМЯ ДЛЯ НАПАДКОВ

Путин не успел попутать?

К КОНЦУ прошлого года мэрия не имела ни одного договора и фондового извещения по межрегиональным поставкам в Петербург продовольственных товаров первой необходимости. Фактически процесс закончился многочисленными совещаниями в Смольном с участием представителей республик по обеспечению города продовольствием. В результате, единственно возможным источником поступления продуктов в Петербург в январе-феврале могли стать поставки по импорту. Этим мотивировалась просьба о выделении льгот на экспорт сырья, с которой Комитет по внешним связям мэрии обратился к российскому правительству. Правительство пошло навстречу, несмотря на то, что уже выделенные городу 100 000 тонн для закупки продовольствия за рубежом дизельного топлива ушли в неизвестном направлении. (Позже выяснилось, что проработка этого вопроса шла по линии Комитета экономического развития мэрии, а реализация нефтепродуктов поручалась ПО «Иришинефтеоргсинтез». Производственное объединение фактически присвоило себе выделенное топливо и, почитав его плановой экспортной поставкой, не перечислило городу ни копейки).

В январе Петербург получил квоты на продажу еще 15000 тонн нефтепродуктов, 15000 тонн леса, 200000 тонн металлолома, 20000 тонн хлопчатобумажной ткани, 20000 тонн цемента и прочих ресурсов. Комитет по внешним связям мэрии распределил лицензии на экспорт. По обратным постав-

кам в город пришли две цистерны с растительным маслом, закупленным в пределах СНГ. Десятки тысяч тонн продовольствия, которым мэрия обещала завалить прилавки магазинов города, остались лишь на бумаге.

По мнению Марины Салье и Юрия Гладкова, проводивших депутатское расследование истории с лицензиями, персональную ответственность за сложившуюся ситуацию несут председатель Комитета по внешним связям Путин и его заместитель Аникин.

Под выделенные лицензии КВС заключил порядка двадцати договоров с различными фирмами-посредниками. При этом не соблюдался важнейшее условие, гарантирующее выполнение соглашений контрагентами. Лицензии выдавались посредникам без предъявления ими контрантов на совершение бартерных сделок и, следовательно, без подтверждения наличия у них необходимых ресурсов.

Сумма валютной выручки по каждому из договоров колеблется в пределах от 2 до 30 миллионов долларов. Особый интерес депутатов вызвали договоры на экспорт редких металлов. Цены на экспортируемое сырье по некоторым позициям в этих договорах занижались в 20, а порой в 2000 раз (!) по сравнению с мировыми ценами.

Вдобавок ко всему, по словам Салье, все лицензии, выданные КВС, следует считать незаконными, так как они выдавались в нарушение установленного правительства порядка. Александр ГОРШКОВ

сколько я знаю, составляется на письмо вице-премьера Гайдара, в котором говорится, что правительство не предоставляло права выдавать лицензий никаким другим организациям, кроме Уполномоченного МВЭС?

— Совершенно верно. Но ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что документ, дающий право выдавать лицензии, у Комитета по внешним связям существует. На нем стоит подпись Гайдара.

— У Уполномоченного МВЭС Анатолия Пахомова, как я поняла из разговора с ним, правомочность этого документа вызывает сомнения.

— Нет-нет, не вызывает, он прекрасно знает, в чем дело. А сложившаяся ситуация объясняется только одним — нежеланием Управления по нетарифному регулированию (это бывший Лицензионный комитет России) выпускать из своих рук монополию на выдачу лицензий. Мы длительное время ведем с ним по этому поводу переговоры, и в Положении о ЗСП записано, что эти вопросы передаются в значительной степени органам власти на местах.

— Тем не менее Анатолий Петрович Пахомов заявил, что для наделения правом выдачи квот и лицензий требуется специальное решение правительства, а не поручение или виза Гайдара?

полнительные квоты, он являлся министром экономики России. Если министр подписал никаких дополнительных решений министерства по этому вопросу нам не нужно. Кстати, по этому поводу я специально консультировался в правительстве.

«СОВЕТ ИМЕЛ ПОЛНУЮ ИНФОРМАЦИЮ СБО ВСЕМ»

— Представлялась ли в срок необходимая информация Совету?

— По первому требованию Совета я явился на совместное заседание комиссии по продовольствию и Комитета по международному и внешнеэкономическому сотрудничеству — и дал полную информацию, которой располагал, в течение трех часов отвечал на все вопросы, которые были поставлены. И в принципе оценка была положительная. По просьбе комиссии ей были представлены все договоры, которые наш комитет заключил с коммерческими организациями.

— Все они были с подписями и печатями?

— Я могу допустить, что там были какие-то технические погрешности. Но это были те документы, которые требовались, и они достаточно

мировой практике. Если мы начнем этого требовать, фирмы просто могут вернуться и уйти. Эта работа была оложена и тем, что у нас постоянно менялись цены. Большинство организаций, с которыми мы предварительно заключили договоры, буквально через неделю исчезли, потому что ситуация изменилась: цены на все товары выросли в десять раз, а по некоторым позициям еще больше. С кем-то пришлось или перезаключать договоры, или изменять условия.

— Кто с вашей стороны выступал экспертом по ценам на сырье и на продовольствие?

— Цены, конечно, проверялись только сотрудниками комитета по рекомендациям специалистов ВО «Ленфинторг», ВО «Ленинградимпэкс», ВНИКИ и АГИМО и выбирались из тех предложений, которые к нам поступали. А их было не так много. Скажем, лицензию на лом черных металлов мы отдали одной государственной петербургской организации, которая через пару недель ее отдала другим — то ли нет, то ли им стало невыгодно. И так поступила и она одна.

— Значит, независимых экспертов не было?

— Видимо, небольшой объем продовольствия. Но если коммерческая организация все-таки возит этот небольшой объем, то она не может работать себе в убыток, иначе это будет ее последняя операция. Организациям, продающим труднореализуемый товар, наше управление повышает процент валюты, который она может истратить по своим условиям. Но мы старались выбрать такие организации, которые предлагают на продажу наиболее дорогой товар. Ведь та же древесина может быть и довольно дорогой, и дешевой.

— А различия в штрафных санкциях?

— Они объясняются различиями в объемах сделок.

— Вас обвиняли в неправомерности заключения сделок с двумя московскими организациями, мотивируя это тем, что и в вашем письме на имя министра внешнеэкономических связей П. О. Авена, и в поручении правительства речь шла только о привлечении ресурсов города и области?

— Вы знаете, для горожан безразлично, какая организация завезет продовольствие. И если москвичи предлагают более выгодные условия, то с ними надо соглашаться. А вторых, я что-то не припом-

ню, цены в контрактах были занижены в 20, а то и в 2000 раз. Это соответствует действительности?

— Мы с вами сейчас этот вопрос не решим: выводы должны делать специалисты. Цены на металлы, в том числе и редкоземельные, на мировом рынке колеблются, а уж на внутреннем рынке они прыгают так, что просто не уследишь. Но я изволил у наших специалистов справки: как они оценивают сегодняшнее положение — и выясняется, что никаких изменений по ценам не произошло. Скорее всего этот довод связан с конкурентной ситуацией. Марина Евгеньевна Салье упоминала, что те организации, которые получили от нас право на реализацию товаров, неизменно в промышленности кругах. Возникает вопрос: в каких промышленных кругах — в тех, которые хорошо известны самой Марине Евгеньевне?

— Если будет образована какая-то экспертная группа, она получит возможность проверить цены. И я лично буду благодарен, если после этой экспертизы мы найдем новых партнеров. Лишь бы дело не кончилось тем, что в результате и старые разбегутся.

— Беседовала Ольга МЕНАХИНА

срочности, представляющая на лицензию на редкоземельные металлы, оказалась неплатежеспособной. Она запрашивала кредит, банк отказался его давать без нашей гарантии, а ГФУ таких гарантий не дало.

— Вы проверяли платежеспособность всех фирм?

— Конечно, мы запрашивали все документы.

«ВРЕМЯ ДЛЯ НАПАДОК ВЫБРАНО НЕ СЛУЧАЙНО»

— Я думаю, что не случайно возникло напряжение, а определенная конфронтация существовала всегда. Печально, что это отвлекает людей административного аппарата от выполнения своих каждодневных обязанностей.

— Я мог бы спросить тех людей, которые нас сейчас критикуют: а где ваш результат работы, кроме того, что вы расследуете нашу деятельность? Для последнего есть компетентные органы, передайте дело в прокуратуру...

— Вообще не стоит ли нам сейчас подумать над тем, как вместе добиваться каких-то результатов? А сделать это можно — в этом я уверен.

— Беседовала Ольга МЕНАХИНА

— ЗАХОДИМ в Кейптаун, — сообщил капитан и, увидев радость в наших глазах, добавил: — Не мечтайте — на берег никто не пойдет. И так меня потом за этот заход повесят.

Это был 1982 год. Мы возвращались на «Башкирию» из Антарктиды, и несчастный случай привел нас к мысу Доброй Надежды: «Башкирия» везла раненого рыбака, у которого началась гангрена. Не зайдя мы в ближайший порт, а ближайшим оказался именно Кейптаун, парень мог умереть. Но это, повторяю, было десять лет назад — уже давным-давно ни одно советское судно не бросало якоря в кейптаунской гавани — с ЮАР Союз не поддерживал никаких отношений; и о том, чтобы мы спустились на берег, действительно, речи быть не могло.

Но в Кейптаун уже очень хотелось. А если нельзя, но очень хочется, то — сами понимаете. В тот миг, когда мы пришвартовывались, я в белом халате, всем видом показывая, что никакой я не журналист, а обычный фельдшер, стоял у трапа возле носилок. Как только на борт поднялись местные медики, я решил поскорее взяться за носилки. Правда, местный врач меня остановил:

— Сер, эта работа не для белых. Не беспокойтесь — но-

силки есть кому нести. Спускайтесь пока в машину.

И мы отправились в морской госпиталь, где почему-то все нам улыбались и явно были рады встрече с людьми из России. Нашего парня поместили в лучшую палату, тут же пригласили корзину с фруктами и телевизор. Мы вдруг поняли, что все наши волнения за моряка — напрасны. Что хоть он и останется на несколько месяцев один-одинешенек в этой «страшной ЮАР», здесь о нем позаботятся, а что касается квалификации медиков, то врачи ЮАР известны на весь мир, а клиника, где проведена впервые в мире пересадка сердца, — совсем близко отсюда.

А потом я, конечно, на «Башкирию» спешить не стал, — отправился гулять по Кейптауну вместе с «коллегой»-врачом. Попили пива, разглядывая удивительно красивые женщины. Сфотографировались у надписи в пивную «вход только для белых». Побродили по заваленному фруктами

базару и вышли к великолепному зданию парламента. А возле него застыли как вкопанные. Прямо перед нами возвышался памятник, почти точь-в-точь напоминающий величественную императрицу в Екатерининском саду. Мы даже на секунду забыли, что мы на другом конце света, подумали, что бродим по своему родному Ленинграду. Удивительно красив этот город, где сошлись старинная архитектура с архитектурой XX века, не мешая друг другу, не толкаясь локтями, а создавая единый плавный ансамбль. И мы поняли, что прав наш капитан: вспоминая, как еще в начале шестидесятых он заходил в Кейптаун, он говорил, что сравнить по красоте его можно с Парижем или Нью-Йорком.

Но когда мы вечером вернулись на судно, капитану было не до наших рассказов о красотах Кейптауна:

— Я же вам сказал: сразу из госпиталя обратно, а вас где черти носили? Мало ли провокация какая?

Тогда же мы договорились с капитаном, что о Кейптауне в своих репортажах и я слова не напишу и никому не скажу, что спускался на берег.

И вот спустя десять лет я вспомнил и о том своем обещании молчать, как партизан

на допросе, и о том, как бродил по удивительному городу у мыса Доброй Надежды, когда в пятницу вечером в резиденции на Каменном острове увидел рядом флаги России и ЮАР. На приеме, устроенном временным поверенным в делах Южно-Африканской Республики в России Джеретом Оливье, собрался весь официальный Петербург. Речь шла о предстоящем в самое ближайшее время открытии на берегах Невы генерального консульства ЮАР.

Меняются времена, меняются нравы. И не только у нас в России. Тогда, десять лет назад, реформы президента де Клерка просто были немыслимы, как немыслим был и проведенный две недели назад референдум с поразившими весь мир итогами: 68,7 белого населения ЮАР сказали «нет» апартеиду и «да» курсу обновления страны.

И вот представитель одной из самых развитых стран мира «бриллиантовой державы» говорит, что в ближайшее время Кейптаун и Петербург станут городами-побратимами.

— Очень жаль, что долгие

годы наши страны были так далеки друг от друга, хотя отношения между Россией и Южной Африкой корнями уходят в далекое прошлое. У нас прекрасно помнят, что именно Россия поддержала буров, а среди старшего поколения у вас помнят «Трансвааль — страна моя». — говорит временный поверенный в делах ЮАР в России. — Эта отдаленность была, я уверен, временной и искусственной. Сближению мешали наши идеологии. Сейчас они канули в прошлое, и в феврале между нашими странами были восстановлены дипломатические отношения. А сейчас уже мы идем дальше — в ближайшие дни в Петербург приедут представители нашего посольства, чтобы подыскать помещение для генерального консульства ЮАР в Петербурге.

Мы уверены, что сегодня Россия и ЮАР отстаивают одни и те же идеалы и демократические ценности, а вместе пытаются сделать наш мир хоть немножечко лучше. И это стремление они продемонстрировали всему миру, отказавшись от старых догм,

— Господин временный поверенный, как, на ваш взгляд, изменится политика ЮАР в связи с итогами референдума, проведенного Фредериком де Клерком?

— Изменения в ЮАР начались не после референдума, а значительно раньше благодаря целенаправленной политике нашего президента. Референдум стал лишь одним из важнейших этапов этого процесса, показал, что эти изменения необратимы, что у раздираемой на части страны сегодня есть все шансы стать единым, многонациональным государством. Все партии, наконец, достигли согласия и готовы сотрудничать.

— Но ведь наверняка среди белого населения ЮАР, называемого «да» многонациональному государству и пренебрежно осознанию, что быть расистом в конце XX века просто немыслимо, есть люди, все же считающие, что в апартеиде — «своя прелесть».

— Вы прекрасно понимаете, что изменения и реформы — процесс не моментальный, а довольно длительный, и всегда столкновение старого и нового ведет к конфликту. Одни считают, что в связи с реформами они многое теряют, другие

— что приобретают. Но выбора сегодня просто нет. С прошлым мы должны порвать. А тем, кто хочет жить по-старому, просто надо сказать, что поезд уже уходит. Хотя, конечно, мы хотим, чтобы в этом поезде были все. И именно в этом видят свою задачу и наш президент Фредерик де Клерк, и лидер Африканского национального конгресса Нельсон Мандела, и главы других партий.

Я считаю, что реформатор всегда похож на велосипедиста. Если он перестает крутить педали и останавливается, то рискует упасть. Если вы останавливаете процесс реформ, это для вашей страны гибель.

— Видимо, это тоже сблизит сегодня Россию и ЮАР... Известно, что в Петербурге вы обсуждали самые разные возможности сотрудничества между Петербургом и Кейптауном. И все же хотелось бы понять, какие направления станут приоритетными?

— Конечно, экономика. Важно наладить хорошие контакты между нашими бизнесменами. Бизнес в ЮАР в руках частных предпринимателей — решение за ними. И мне кажется, что стремление сотрудничать с Санкт-Петербургом у них есть. Они уже побывали в вашем городе и встречались с его руководителями. Я в Петербурге встретил тоже немало настоящих бизнесменов, знающих ряд предприятий уже сотрудничающих с ЮАР — в частности «Кировский завод» — считаю, что для деловых контактов между предпринимателями ЮАР и Петербурга есть прекрасные возможности. Ну и конечно, нельзя забывать, что Петербург, хотя, может быть, не дипломатично так говорить — культурная столица России. У южноафриканцев интерес к Петербургу огромен. К тому же люди у нас в стране очень любят путешествовать, и мы уверены, что в Петербурге устремятся наши туристы. Я уже обратился с просьбой рекламировать туристические поездки Санкт-Петербургу.

Я уверен, что сейчас мы закладываем очень крепкий фундамент для нашего сотрудничества. И думаю, что мы должны быстрее крутить педали быстрее продвигаться вперед.

Владимир СТРУГАЦКИЙ

РЕФОРМАТОРЫ, КАК ВЕЛОСИПЕДИСТЫ: ЕСЛИ НЕ БУДУТ БЫСТРО КРУТИТЬ ПЕДАЛИ — УПАДУТ

— ГОВОРИТ ВРЕМЕННЫЙ ПОВЕРЕННЫЙ В ДЕЛАХ ЮАР В РОССИИ ДЖЕРЕТ ОЛИВЬЕ